

А.В. ОЛЯНИЧ
(Волгоград)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «НЕМЕЦКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ КОНЦЕПТЫ»
(науч. ред. В.И. Карасик. Волгоград : Парадигма, 2012. 180 с.)**

*Право на новые собственные ценности –
откуда возьму я его?
Из права всех старых ценностей
и границ этих ценностей.*

Ф. Ницше

Мир кристаллизуется в человеческом сознании, образуя удивительные конфигурации, которые переливаются разными красками, играют нашими чувствами, заставляют переживать весь ход их освоения всеми непостижимыми закоулками и нехоженными тропами мозга; мы изучаем и оцениваем – людей, вещи, организмы, события и многое другое – в течение всей нашей жизни, а может быть, и после нее... Так формируется наша ментальность: мы упаковываем ее, словно чемодан путешественника, при этом стремимся уложить внутрь как можно больше самых ценных впечатлений, для чего кодируем и перекодируем реальность, шифруем и «оцифровываем» бытие, складываем про запас наши ощущения – вкус, цвет, ткань и запах мира... Но не только это мы творим с нашим восприятием действительности; мы еще и даем имена ее феноменам. Иными словами, мы вербализуем концептосферу бытия в ее разнообразных семиотических (предметных, образных и ценностных) проявлениях. Понятно, что делаем мы это в зависимости от нашей этнической принадлежности, в соответствии с доминантами нашей национальной культуры и средствами родного языка. Такие лингвментальные операции непременно осуществляются представителями любой этнической общности, а соответствующие когнитивные процессы, этими операциями поддерживаемые, происходят в мыслительном бытии любого народа. Эти завораживающие тайны концептуализации бытия манят исследователей широкого «антропологического профиля», в том числе – лингвистов-когнитивистов, лингвокультурологов, специалистов в сфере лингвосемиотики и лингвоаксиологии.

Все более отчетливой и детализированной становится лингвосемиотическая картина ценностных ориентиров у разнообразных этносов благодаря их научному описанию и анализу, предпринимаемому в наши дни. Ярким примером исследования лингвокогнитивной рефлексии *социодинамики* одной из культур мировой цивилизации представляется рецензируемая коллективная монография «Немецкая концептосфера: национальные и индивидуально-авторские концепты», выполненная учеными, преподавателями кафедры немецкой филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Не могут не вызывать восхищения простота и изящество научной гипотезы как методологической установки монографии: приступив к проекту, вслед за профессором В.И. Карасиком авторы исходили из того, что «...в языковом сознании и коммуникативной деятельности личности, социальной группы и – в целом – социума есть определенные их характеризующие постоянные признаки (константы), подающиеся посредством использования исследовательских процедур объективному выявлению и интерпретации. Среди констант языкового сознания возможно установление доминант, выступающих в качестве одного из критериев типологии того или иного лингвокультурного сообщества и типа личности. При установлении констант языкового сознания можно выявить саму систему иерархии аксиологических ориентиров социума, социальной группы и конкретного индивида» (с. 4). Эта идея-установка непротиворечиво заставила авторов логически предположить, что, определив «меру и вес» ценности того или иного феномена мира, смоделировав его как сложный когнитивный конструкт – концепт,

представив его в качестве «сгустка культуры», поливариантно воплощенного в языке и дискурсе, вполне возможно в дальнейшем выяснить, что на самом деле творится в главном «черном ящике человечества» – в его мозгу; как протекают процессы мышления, как организовано сознание и почему на выходе получается именно такой, а не иной вербальный отпечаток действительности.

Подтверждая возможность достижения результативности предпринимаемой попытки анализа, профессор Н.А. Красавский, вдохновитель всего проекта и один из его авторов, в «Предисловии» к монографии пишет, что исследование концепта как ментального образования с позиций лингвокультурологии и лингвоаксиологии «обнажает сам механизм мышления, систему приоритетов и оценок общества, отраженную в его языковом сознании и коммуникативном поведении, этнокультурную специфику понимания мира» (с. 4).

Авторы монографии ставят перед собой, таким образом, две основные цели – снова процитируем: во-первых, «охарактеризовать с аксиологических позиций ряд концептов немецкой лингвокультуры («стыд», «вина», «детство», «старость», «воровство», «высшее образование»); во-вторых, «выявить и охарактеризовать базисные концепты швейцарско-немецкого писателя Германа Гессе и немецкого философа Фридриха Ницше» (с. 4).

Первоначально у рецензента возникло некоторое недоумение по поводу этих целей в части выбора объектов исследования: почему именно такие концепты – «Стыд», «Вина», «Детство», «Старость», «Воровство», «Высшее образование» – оказались в фокусе анализа? Ведь заявление о целях исследования, связанных с характеристикой концептов немецкой лингвокультуры (а не английской, французской и т.п.), предполагает некий список концептов с сугубой «немецкостью», типичных для ценностей именно немецкоязычных этносов; в фокусе же изучения оказались концепты транснациональные, обнаруживаемые в любой этноконцептосфере!

Название проекта поначалу заставляло рецензента-этнолингвокультуролога надеяться, что в центре изучения окажутся концепты, специфически рефлектирующие национальные особенности бытия немцев (австрийцев, швейцарцев), скажем, традиционно пан- и прагерманских сфер военного искусства («Воинственность»), ощущения ценности времени («Пунктуальность»), социальной устроенности («Порядок»), гендерно-классовых и семейных отношений («Кухня», «Кирха», «Дети»), вакхических («Пиво», «Шнапс») и глуттонических («Застолье», «Еда») ритуалов и т.д.; короче говоря, все то, что является базовыми (часто стереотипными) лингвосемиотическими дескрипциями бытия немецкоязычных народов. Ожидание рецензента оказалось обманутым, но это, тем не менее, не явилось поводом для ощущения отторжения проделанной авторами работы; наоборот, возник неподдельный интерес к тому, что на самом деле намеревались осуществить (и успешно осуществили!) авторы монографии. Как мы уяснили для себя по прочтении всей работы, все дело в трактовке понятия «этнокультурный»; на свое особое толкование последнего, разумеется, имеет право любой исследователь. Оказалось, что для авторов монографии этнокультурный концепт – конструкт специфического ментального освоения любого общецивилизационного (транснационального) феномена действительности отдельным этносом. Именно с этих непротиворечивых позиций и производится авторами монографии исследование концептов «Стыд», «Вина», «Детство», «Старость», «Воровство», «Высшее образование». При этом ставятся следующие задачи: определить понятийные составляющие указанных концептов в немецком языке; выявить образные составляющие этих концептов; установить ценностные составляющие данных концептов в немецкой лингвокультуре; описать основные способы вербализации названных концептов в немецком социуме; провести социолингвистическую верификацию отношения немецкоязычного этноса к понятиям «стыд», «вина», «детство», «старость», «воровство», «высшее образование».

Нельзя не отметить как новаторское такое направление в изучении этнокультурных концептов, заявленное авторами монографии, как обращение к исследованию вербализации персонализированного восприятия и личностной концептуализации мира. Удивительно, но еще никто из лингвистов не додумался до того, чтобы рассмотреть лингваментальное преломление мира отдельной личностью, индивидуумом, отдельным представителем отдельного этноса. До настоящей работы в лингвистике также не

было сделано попытки определить средства и способы концептуализации и вербализации мира менталитетом выдающихся умов современности. Таким образом, для достижения цели описания подобного – специфичного – преломления мира в индивидуальном этносознании авторы логично вводят в научный оборот понятие индивидуально-авторской концептосферы и избирают для исследования продукт ментальной «концептуализаторской» деятельности двух великих немцев – Германа Гессе и Фридриха Ницше, справедливо полагая, что писатель и философ – это те самые «нервы нации», которые наиболее точно способны отразить базовые этнические жизненные ориентиры и национальные ценности, а также отреагировать на динамику настроений и вербальных процессов в социуме. Приступая к исследованию индивидуально-авторских концептосфер двух великих немцев, авторы ставят перед собой такие задачи: 1) выявить базисные концепты в индивидуально-авторской концептосфере Германа Гессе через анализ его произведений «Степной волк», «Нарцисс и Златоуст», «Сиддхартха. Индийская поэма»; 2) установить основные языковые средства обозначения и выражения базисных концептов в указанных произведениях; 3) выявить и описать образную составляющую данной группы концептов; 4) определить ценностную составляющую этих концептов в произведениях писателя; 5) выявить базисные концепты в индивидуально-авторской концептосфере Фридриха Ницше; 6) составить типологию метафор, вербализующих концептосферу философа; 7) определить доминантные типы ницшеанских метафор; 8) установить и описать образную составляющую концептов, метафорически реализованных в произведениях немецкого философа; 9) определить ценностную составляющую концептов, метафорически воплощенных в работах Ф. Ницше.

Каковы же основные результаты, полученные исследователями? Насколько они эффективны? Как эксплицированы (ментально, вербально и семиотически) ценности реального мира в представлениях немецкоязычных этносов? Попробуем предоставить читателю обзор изложенного.

Раздел I рецензируемого издания включает в себя анализ собственно этнокультурных концептов, хорошо апробированных в немецкоязычном социуме. Все главы раздела объединяет общий подход к анализу, сводимый к следующему алгоритму: выявление этимологии имени концепта → определение семантического наполнения имени концепта, → уточнение его ядра (центра) и периферии концептуального содержания → описание понятийной составляющей концепта → извлечение образных маркеров феномена, стоящего за концептом, → «взвешивание» ценностной составляющей концепта → верификация полученных данных этимологии, семантики, лингвосемиотики, лингвокультурологии, страноведения и лингвострановедения ассоциативным экспериментом и при помощи опросов информантов → констатация национально-специфических особенностей этнокультурной концептуализации действительности немецкоязычными этносами. Некоторые авторы раздела для более четкой детализации этнокультурного портрета национального (немецкого) восприятия мира используют элементы контрастивного анализа, применяя в качестве культурного фона русскую лингвокультуру, что не может не вызывать одобрительного отношения к этому факту.

Первая глава монографии (автор Е.А. Дженкова) посвящена рассмотрению объективации концептов «Стыд» (*Scham*) и «Вина» (*Schuld*) в немецкой лингвокультуре. При изучении имени эмоциогенного концепта «Стыд» (*Scham*), анализа данных лексикографии, текстовых источников и паремий исследовательница устанавливает, что его понятийную сторону составляют предписание соблюдения нравственных норм индивидом в социуме, общественное осуждение человека, нарушающего установленные нормы поведения и не способного к переживанию стыда. Образная сторона описываемого концепта – это устойчивые ассоциации стыда с такими субстанциями, как огонь, красный цвет и живое существо. Ценностную сторону концепта «Стыд» составляет оценочное отношение к переживанию стыда индивидом и, в частности, оценочные характеристики каузаторов стыда. Разумеется, данные лексикографии нуждались в верификации реальных коммуникативных условий актуализации перечисленных концептов и, естественно, в определении этнокультурной специфики этой актуализации в этноречи. В связи с этим можно приветствовать обращение Е.А. Дженковой к ассоциативному эксперименту и работе с немецкоязычными информантами. Оказалось, что в реальной немецкоязычной карти-

не мира стыд как концепт активировывает дополнительные смыслы, которые «могут быть заимствованы из научной картины мира, личного, субъективного опыта информанта, а также могут являться окказиональными, отражающими индивидуальные ассоциативные процессы» (с. 21). Это такие ассоциаты, как социальный характер стыда (*gesellschaftlich, kulturell, zeitlich, individuell unterschiedlich belegt*), взгляд со стороны, «существование Другого как одного из факторов для возникновения стыда» (*etwas für mich Peinliches wird öffentlich gemacht; Bloßstellung oder Kränkung durch Andere*) (с. 21); более широкий спектр субъективных переживаний эмоции стыда (*Peinlichkeit, Unsicherheit, Ohnmacht; ich würde gerne verschwinden, mich unsichtbar machen*); моральный стыд, деонтический стыд.

Важным результатом для выявления этноспецифики объективации концепта «Стыд» в немецкоязычном социуме представляется выявление автором прямой зависимости степени четкости, терминологичности, дифференцированности определения от возраста информантов. Е.А. Дженкова обнаружила и описала динамику развития онтологических представлений о стыде в процессе взросления, социализации личности. Как оказалось, для немцев старшего возраста, имеющих определенное социальное положение в обществе, релевантна непосредственная связь стыда с общественным мнением, репутацией. Для них ситуация стыда представляет собой потенциальную потерю лица. Е.А. Дженкова также выявила еще одну тенденцию – на протяжении жизни индивида сами объекты стыда подвергаются изменению. На взгляд рецензента, это наблюдение совпадает с общецивилизационной тенденцией: то, что было стыдно в прошлые века, сегодня теряет этот признак (стыд сменяет бесстыдство).

Понятийной стороной концепта «Вина» (*Schuld*) являются, во-первых, осознание человеком ошибочности собственных действий; во-вторых, расплата, наказание за ошибки или же их прощение. Образную сторону описываемого концепта представляют устойчивые ассоциации вины с борьбой и сильным соперником, тяжелой субстанцией, которая локализуема и перемещается в пространстве. Ценностная сторона концепта «Schuld» – это оценочное отношение к переживанию вины индивидом и, в частности, оценочные характеристики ее каузаторов и последствий.

Что касается национально детерминированных фиксаций концепта «Вина», то результаты сопоставления лексикографических данных и данных ассоциативного эксперимента позволили автору прийти к непротиворечивому выводу: «... в немецком сознании сформирован образ вины, “принятый” в том или ином лингвокультурном сообществе и зафиксированный в словарных дефинициях номинантов этих эмоций. В то же время этот образ значительно расширен индивидуальными ассоциациями, формирующими дескриптивную норму языка и доказывающими важность ассоциативного эксперимента как одного из методов исследования концептов культуры» (с. 23). Как показало исследование, образ вины (и во многом вина как национальная ценность, поскольку деяния национал-социалистов в годы Второй мировой войны, составившие «историческую вину» немцев, сформировали горький и предупредительный опыт, бесценный для грядущих поколений) специфически семантизируется в качестве дополнительных смыслов:

- разделения вины на индивидуальную и коллективную (*eigene – kollektive Verantwortung*);
- «второй вины» (*zweite Schuld*), обусловленной трагическими событиями немецкой истории в середине прошлого века;
- ответственности за субъект ущерба, пострадавшего в результате какого-либо действия или бездействия (*wenn dabei etwas oder jemand zu Schaden kommt; man hat jemand anderen verletzt oder geschädigt*).

Не меньший интерес вызывают результаты коллективной монографии, изложенные во второй главе, где И.А. Калюжная излагает и анализирует полученные данные о концепте «Детство». Важным моментом на данном этапе исследования является привлечение сопоставительного языкового контраста в качестве инструмента определения национальной специфики объективации данного концепта в немецкоязычном коммуникативном пространстве. Автор сравнивает две лингвокультуры – немецкую и русскую – в надежде обнаружить как универсальные, так и этнокультурные характеристики анализируемого концепта. И.А. Калюжная справедливо относит концепт «Детство» к числу антропоори-

ентированных и отмечает следующее: «Концепт “детство” представляет собой сложное когнитивное образование, включающее в себя онтологические, параметрические и социально-психологические характеристики. Данный концепт – это антропоцентрически ориентированный тип концепта. Ярко выраженные антропоцентрические характеристики этого концепта обусловлены высоким индексом его социально-психологической релевантности для современных европейских культур...» (с. 25).

Анализ трех составляющих концепта «Детство» (понятийной, ценностной и образной), объективированных в сопоставляемых лингвокультурах, позволил И.А. Калюжной заключить, что понятийный компонент исследуемого концепта универсален для русского и немецкого этносов: «Различия касаются преимущественно образной и ценностной сторон данного концепта. Специфика концепта “детство” в немецкой и русской лингвокультурах выражается в большей или меньшей актуальности его определенных сторон, в степени проявления их оценки» (с. 40–41). Как показали данные, полученные автором главы в результате тщательно произведенного анализа этимологических источников, лексикографических справочников, текстовых фрагментов, а также паремий и стилистических средств (метафор, эпитетов и сравнений), этноспецифика концептуализации кванта «Детство» в немецкоязычном социуме является культурно маркированной по ряду векторов:

- эмотивно (в немецком языке культурно-маркированной оказывается такая составляющая концепта «Детство», как скромность (*die Bescheidenheit*));

- сакрально и ритуально (через суеверия, обряды и приметы, связанные с подменой ребенка нечистой силой – *Wechselbalg, Kielkropf, Wasserkind*);

- номинативно-количественно – на основе оценки умственных способностей человека и отсутствия у него опыта (*das Dummchen, das Dummerchen, das Doofi; der Pimpf, der, das Kleindoofi* – глупыш, несмышлениш, несмысля, дурачок);

- социально-маркированно (во-первых, по способу появления ребенка на свет (*Ein Kind aus der Retorte* – ребенок из пробирки; *Samenbank-Kinder* – дети, появившиеся на свет в результате искусственного оплодотворения); во-вторых, по типу социального поведения (*S-Bahn-Surfer* – ребенок или подросток, с риском для жизни виснувший на всем ходу на вагоне городской электрички или метро)).

И.А. Калюжная делает важный вывод, который одновременно является показательным немецким уроком для российской системы образования и воспитания: «...Если русское сознание ассоциативно связывает детство с беззаботностью, немецкое сознание в качестве ассоциативного признака выделяет защищенность. Такая характеристика, как “вести себя по-детски”, в русском обществе оценивается осуждающе, отрицательно, в то время как в немецком социуме оценивается скорее положительно. Немцы не идеализируют детство, образ “идеального” ребенка не является релевантным для них» (с. 35). Столь же национально специфична дидактическая установка немецкоязычного социума, ориентированная на преимущественно эффективное воспитание детей в семье (*eine gute Kinderstube haben* – получить (хорошее) воспитание). Национально-специфична ориентация немецкого детства на познание, полноценное мироощущение и интеллектуализм, о чем свидетельствуют наиболее релевантные для немецкого сознания признаки – *Offenheit für Neues, Lebenslust, lernbegierig, wissbegierig*, – в отличие от значимости для русскоязычного восприятия эталонного образа ребенка, его внешности, а также эмоциогенного отношению к детству как квинтэссенции *доброты, искренности, совестливости, бескорыстности*.

Интересны и отмеченные в главе сугубо семиотические маркеры, специфицирующие немецкоязычные представления о детстве. Так, у немцев образ детства как начального периода жизни ассоциируется с детскими башмачками (*die Kinderschuhe*): *die Kinderschuhe abstreifen, aus den Kinderschuhen herauskommen*. В русской картине мира *пеленки* – необходимый атрибут ухода за маленькими детьми (*вырасти из пеленок*).

Третья глава написана И.С. Блиновой и посвящена антиподу концепта «Детство» – концепту «Старость» и специфике его отражения в немецкой лингвокультуре, что само по себе не может быть не одобрено: именно на контрастном сопоставлении особенно ощутимы сходства и различия цивили-

зационного формирования ментальности. Нельзя не согласиться с автором главы, формулирующим непреходящую ценность анализируемого феномена для цивилизации и важность изучения старости как явления человеческого бытия, неминуемо приближающего биологический конец индивидуума, но с которым человечество борется целые тысячелетия, протестуя против его наступления: «Феномен старости интересовал человечество издревле. Предлагались трактовки, выстраивались классификации, изобретались чудодейственные средства, предотвращающие старение, определялись параметры, свойства и особенности старости. Результатом многолетних размышлений и исследований стало утверждение, которого придерживается большинство ученых о том, что старость – феномен не только биологический, но и социальный. Старость как период жизни человека, будучи компонентом культуры, подвержена стереотипам и установкам. Как правило, старость осознается как завершающий этап жизни. И поэтому ввиду неблагоприятной в целом ситуации такого явления, как старость, остаются незамеченными индивидуальные формы ее проживания, индивидуальные смыслы и ценности этого периода жизни» (с. 42).

Что же такое старость для немецкоязычных этносов? Интересен подход И.С. Блиновой к анализу концепта с позиций диахронии и мифологии германцев. Как правомерно представляется автору, древнегерманское отрицание старости как немощи и дряхлости, характерное для многих культур, не обремененных воинственными намерениями и деяниями, было типичным сопоставлением старости с мужественностью, божественной зрелостью, граничащей с бессмертием: «Германские боги не могли позволить себе быть старыми, иначе возник бы конфликт в представлениях о всеисилии и могуществе богов. Состояние дряхлости и болезни неприемлемо для жителей германского пантеона как символов высшей силы и гарантов мирового порядка. Достаточно редкая апелляция к образу старика объясняется тем, как мы предполагаем, что в системе мировоззрений древних германцев культ предков постепенно перестал занимать главенствующую позицию. Вероятно, культ поклонения предкам сменился более высокой формой поклонения героям и богам (согласно теории Г. Спенсера, который полагал, что культ предков лежит в основе всех других культов, но может ими вытесняться)» (с. 45). Может быть, поэтому столь оптимистична приводимая автором главы этимология *alt*, восходящая к индогерманскому корню *al-* – «*wachsen, aufziehen, nähren*» (расти, поднимать, подтягивать, тянуть вверх, питать)? Конечно, в содержании немецкоязычного концепта «Старость» обнаруживаются универсальные параметры феномена, характерные также и для иных культур. Понятийную сторону этого концепта составляет комбинация признаков «возраст», «период жизни, наступающий после зрелости», «ослабление деятельности организма»; образную – устойчивые ассоциации старости прежде всего с такими явлениями, как седина, морщины, закат; ценностную сторону составляет амбивалентно-оценочное отношение немцев к старости как к периоду жизни человека.

Однако самым важным специфическим фактом этнокультурной объективации данного концепта в немецкоязычном социуме, как выясняется, является наличие особых признаков, вербализованных участниками ассоциативного эксперимента. В немецкой лингвокультуре старость ассоциирована с позитивными ожиданиями (выход на пенсию, отдых и путешествия). Немецкое сознание в качестве доминантного ассоциативного признака выделяет социальную защищенность старости. В целом, по данным исследователя, отмечается большое количество ассоциатов, отражающих положительный характер отношения немцев к старческому возрасту, предопределяемое современными социально-экономическими условиями их жизни. Это еще один социальный урок для российской действительности, где старость по преимуществу оказывается маргинальным явлением, социальным пороком при общей властно-институциональной декларации обратного.

Четвертая глава подготовлена О.В. Павловой и посвящена объективации концепта «Воровство» (*Diebstahl*) в немецкой лингвокультуре. Казалось бы, воровство – явление повсеместное и исторически неискоренимое ни при какой социальной формации. Однако в лингвокультурологическом аспекте – как феномен культуры и как когнитивный конструкт, получивший оязыковление, – воровство ранее никем не исследовалось столь тщательно, как это сделано автором данного раздела моногра-

фии. А ведь оно заслуживает того, чтобы к нему как к культурному феномену присмотреться повнимательнее.

Содержание материала вызвало необходимость некоторого отвлечения а priori от оценки исследования О.В. Павловой. Интернациональное отношение к воровству одинаково негативно: ведь это нанесение как материального, так и морального ущерба. Вор – всегда циник, холодный и расчетливый негодяй, способный причинить боль и несчастье любому. В то же время во многих культурах воровство как феномен отъема средств и ценностей у богатых в пользу бедных поэтизируется и всячески одобряется. Вспомним «великих воров», чьи имена вошли в историю цивилизации и многих наций – британца Робина Гуда, еврея-одессита Мишку Япончика, русских Ваньку Каина и Соньку Золотую ручку, француза Франсуа Вийона и т.п. Литература, театр и кинематограф во многом способствовали поэтизации воровского ремесла. Способствовали настолько, что воровское арго проникало в широкие слои общества и превращалось в стиль и шик интеракции. Арсен Люпен – вымышленный вор, герой романов Мориса Леблана; вор Василий Кроликов (кинофильм «Ширли-мырли»); Бэла Талбот – персонаж сериала «Сверхъестественное», великая воровка, находившая уникальные вещи для избранной клиентуры; Ильмар-вор – один из главных героев дилогии Сергея Лукьяненко «Искатели неба»... [2]. Все они говорили на особый манер, который копировался, киноцитаты циркулировали в обществе, подражали даже стилям в одежде и в поведении. В ряде лингвокультур, и в особенности в тех, где бедные классы обществ на этапах их осложненной социальной истории испытывали и вербализовали протестное чувство к богатым и властным, воровской язык становился чуть ли не базовым разговорным языком низов. Французское тюремное арго, британский воровской сленг, русская воровская феня проникали в коммуникацию. Так, в СССР периода НЭП были всем хорошо известны воровские специализации: *карманник* (специализируется на карманных кражах, отвлекая внимание жертвы); *ципочник*, *ширмач*, *писака* (для извлечения кошелька из кармана или сумки использует разрезание); *домушник* (специализируется на проникновении в дома); *форточник* (специализируется на проникновении в дома через окна (преимущественно ночью)) (Там же).

Что же у немцев и немецкоговорящих этносов? В чем специфичность ментального (когнитивного) освоения феномена воровства немецкой лингвокультурой? К сожалению, особой специфики О.В. Павлова здесь не обнаруживает при всей тщательности рассмотрения ею трех сторон концепта. Безусловна тщательность лингвистического анализа семантики различных рефлексий концепта, осуществленного автором раздела монографии. То, каким видится воровство немцам, как они вербализуют его антиаксиологию, показано в книге исследовательски абсолютно безупречно. Однако полное выявление национально-культурной специфики данного элемента немецкой концептосферы еще ждет своего часа, чтобы быть «во всей красе» репрезентированной научному сообществу. Пока можно сделать, по крайней мере, два вывода касательно этноспецифичной объективации концепта «Воровство» (*Diebstahl*) в немецкой лингвокультуре. Первое: негативное восприятие явления воровства тотальным социумом свидетельствует о высоком уровне законопослушания нации, для которой воровство – это варварское нарушение устоев общества и освященного веками немецкого порядка. Второе: по наблюдению автора главы, у носителей разнообразных территориальных и социальных диалектов немецкого языка процесс обворовывания (*stehlen*) специфически номинируется, по-разному преломляясь в ментальности носителя лингвокультуры сам акт воровства, что рефлексировано в яркой семантике глагольной лексики, ср.: *atzeln* (терр. огран.), *fladern* (австр.), *grapsen* (австр.), *abstauben* (воен. жарг.), *einsacken* (разг.), *einstecken* (разг.), *klauen* (разг.), *klemmen* (фам.-разг.), *krallen* (фам.-разг.), *mausen* (разг.), *mopsen* (разг.), *organisieren* (фам.-разг.), *schröpfen* (разг.), *stibitzen* (разг.), *spreizen* (разг.), *wegschnappen* (разг.).

Теперь перейдем к анализу пятой главы монографии. Она принадлежит перу Я.В. Зубковой и в сопоставлении раскрывает особенности объективации концепта «Высшее образование» в лингвосемiotическом пространстве немецкого и русского академического дискурсов. Данные, проанализированные автором, полезны не только лингвисту: с ними непременно стоит ознакомиться всем тем, кто так или иначе пытается вникнуть в перипетии Болонского процесса и в устройство западной модели обра-

зования. Немецкая высшая школа предстает перед читателем во всей своей классической, фундаментальной «академической красе», что, собственно, уже является национально-специфическим признаком концепта.

Специфика раскрывается уже с перечисления номинаций профессорско-преподавательского персонала и их функциональных обязанностей. Так, для российского сознания окажется незнакомым статус немецких юниор-профессоров (*Juniorprofessoren, Juniorprofessorinnen*), преподавателей для специальных целей. Российской вузовской общественности покажется также странным, что каждый немецкий профессор по должности имеет право руководить кафедрой, что совсем не обязательно в российских вузах. Особой семантикой нагружена номинация «доцентура» (*Dozentur*) и свойственные только германской системе высшего образования квалификации ППС. Прочитав Я.В. Зубкову: «Нами зафиксированы следующие квалификации преподавателей немецкой высшей школы: *Universitätsprofessoren (Univ.-Prof.)*, *außerplanmäßige Professoren (apl. Prof.)*, *Professoren (Prof.) ohne Zusatzbezeichnung*, *Stiftungsprofessoren*, *Honorarprofessoren (Hon.-Prof.)*, *Gastprofessoren*, *Vertretungsprofessuren*, *Juniorprofessoren (Jun.-Prof.)*, *Seniorprofessoren*, *Professor h.c. (lat. honoris causa „ehrenhalber“)*; а также *Dozent*, в том числе *Gastdozent*, *Privatdozent (PD oder Priv.-Doz.)*, *Vertrauensdozent*; *Hochschulassistent (Assistent)*, *wissenschaftlicher Mitarbeiter*, *Lektor*. Профессор и приват-доцент с правом преподавания в какой-либо области в Германии – это ни звание, ни степень, а обозначение должности или функциональных обязанностей» (с. 92).

Наверное, остепененные российские ученые, не осведомленные об условиях работы их немецких коллег, с негодованием воспримут тот факт, что «разницу между званиями и степенями немецкие ученые не видят, поскольку лишь должность имеет значение для преподавателя. Обладатель той или иной должности в Германии имеет или лишен различных привилегий (постоянной, большой зарплаты, пожизненного контракта, льгот по социальным отчислениям)» (с. 93). В то же время причиной для зависти особо тщеславных россиян с научной степенью доктора наук окажется то, что докторское звание в Германии является частью имени и заносится в паспорт человека (*Doktor Christoph Strom* – имя по документам). Наконец, контрастное изучение автором главы разнообразных понятийных, образных и ценностных экспликаций концепта «Высшее образование» в коллективном этнокультурном сознании немцев и русских позволило уточнить сугубо специфичное отношение и тех, и других к образованию в вузе как таковому. Это также своеобразный немецкий урок российской системе образования: если для немцев учеба – это критическая научная деятельность, то для русских она есть не вполне осмысленная активность; в российских вузах мы продолжаем воспитывать, часто не имея на это права, а немецких студентов учат созерцать, наблюдать, исследовать. В отличие от многих российских студюзов сегоднешнего дня, их немецкие собратья основной ценностью образования в вузе видят возможность научиться критически оценивать научный материал и получить свободу в научной деятельности.

Далее перейдем к анализу второго раздела монографии. Он посвящен новаторскому рассмотрению особого типа концептов, идея исследования которых родилась в недрах научной школы проф. Н.А. Красавского и воплотилась в ряде диссертаций, выполненных под его руководством. Это так называемые индивидуально-авторские концепты. Как известно, все самое интересное, происходящее в мире научных идей, облекается в самую простую форму, что не лишает такую новую идею интеллектуальной значимости. Так и здесь: идея описать особенности индивидуально-авторского ментального освоения мира для демонстрации динамических изменений в цивилизационном процессе, в процессе социодинамики культуры через дескрипции концептов, объективирующихся в духовном мире деятелей культуры (литературы, истории, философии и т.д.) оказалась свежей, простой и привлекательной, обернувшись изящным и логичным решением. В этой связи важно следующее высказывание Н.А. Красавского, предваряющее первую главу второго раздела: «Вербальная (собственно языковая) знаковость концептов – самый надежный, достоверный материал для всякого культурологического исследования, поскольку наиболее важные фрагменты духовной культуры принципиально оказываются облаченными в форму слова. Известно, что вербализуются наиболее значимые для человека факты

культуры <...>. При этом, естественно, следует помнить, что оязыковление отдельных сегментов духовного мира может быть и ярко выраженным *индивидуально-авторским*» (с. 110).

Почему именно индивидуально-авторская когнитивная сфера оказалась в фокусе внимания в монографии? Н.А. Красавский так объясняет свой резон, заставивший обратиться к художественному симбиозу языка и мышления: «Во-первых, перечень ценностей культуры лимитирован (ценностная составляющая концепта есть его облигаторный признак), следовательно, концепты в их лингвокультурологическом понимании количественно исчерпаемы. Во-вторых, до недавнего времени изучались преимущественно усредненные ценности, ценности, разделяемые большинством носителей того / иного языка, на периферии же исследовательской практики оставались *индивидуальные* ценностные ориентиры. Вне поля зрения лингвоконцептологии, направившей свои усилия на описание этнического менталитета, менталитета социальных групп того / иного лингвокультурного сообщества, оказалась задача описания концептосферы индивидуальной, т.е. системы авторских ценностей, часто оформленных образами, которыми мыслит не среднестатистическая языковая личность, а элитарная личность – известные ученые, писатели, некоторые общественные и государственные деятели, обогатившие своими концептами как минимум групповые концептосферы, а в ряде случаев и общенациональные» (с. 111).

С такой установкой трудно спорить: правота исследователя подтверждается еще и некоторой аналогией. Напомним, что в начале XX в. великий русский философ Н.А. Бердяев написал о Ф.М. Достоевском: «Он не только писатель, он – прозорливец. Его очи видят в сущностях этого мира то, чего не видят многие, даже самые одаренные люди...» [1]. Представляется, что подобная оценка в концентрированном виде характеризует великую миссию литератора и философа. Оба они мудрецы, а Бог, как известно, видит мир глазами мудреца. Именно их интерпретирующая мыслительная деятельность позволяет народам определять, в какой точке своего развития они находятся, куда движутся (вспомним многозначительный вопрос древних – *Quo vadis?*), что ждет их в будущем, как изменится их мир, и все ли они сделали для собственного благоденствия и житейского благополучия.

Н.А. Красавский безошибочно определил объект своего исследования, закономерно увидев в Германе Гессе «культурный камертон» состояния и настроений немецкоязычной цивилизации. Автор предположил, что анализ текстов писателя позволит выявить аксиологию немецкоязычного мира в целом, поскольку художественные произведения, являясь формой существования языка, вбирающего в себя «в форме знаков всевозможные комбинации проявления деятельности человека, его мысли, сам дух», оказываются надежным материалом «для изучения человеческой цивилизации, культуры (жизни общества, его национального характера, менталитета)» (с. 146). Так удалось 1) выйти на формирование представлений Германа Гессе как выразителя чаяний и интересов немецкого народа в целостную аксиологическую картину мира; 2) осуществить выявление обширного набора «полиинтерпретируемых», «сложно выстроенных», «тесно взаимосвязанных друг с другом», «перетекающих друг в друга» концептов – «мыслительных конструкторов»; наконец, 3) описать «иерархическую систему ценностей индивидуально-авторской концептосферы Г. Гессе» (с. 146).

Нельзя не согласиться с избранным исследовательским алгоритмом, который заключался в следующем: на первом этапе было произведено своеобразное объектно-квантитативное сканирование трех основополагающих произведений великого немца-швейцарца – «Степной волк», «Нарцисс и Златоуст», «Сиддхартха. Индийская поэма» – на предмет выявления базисных индивидуально-авторских концептов и установления их количественной представленности в изучаемых текстах; второй этап был посвящен извлечению образных компонентов в семантике имен концептов через анализ когнитивных метафор, привлекаемых писателем к экспликации своих ощущений и оценок всплывающих образов, а также сугубо семиотических феноменов – символов, артефактов и архетипов. На третьем этапе осуществлялась попытка реконструкции иерархической системы ценностей индивидуально-авторской концептосферы Г. Гессе – чрезвычайно сложная задача, в чем сам автор честно признается читателю: «Сложная архитектура этих мыслительных конструкторов, система их индивидуально-авторского кодирования затрудняют интерпретацию художественных текстов писателя» (с. 147).

Как нам показалось, трудности в анализе индивидуально-авторской концептосферы Германа Гессе постоянно возникали вследствие трех причин: во-первых, из-за многослойности выявленных концептов, провоцировавшей сложности интерпретации полученных данных тем, что за многими семиотическими слоями художественный образ часто оказывался «надежно скрытым»; во-вторых, из-за явной аксиологической амбивалентности выделенных концептов (кстати, пора их назвать – «Одиночество», «Душевные страдания», «Вина», «Дух», «Душа», «Мудрость», «Самоотречение», «Терпение», «Невозмутимость», «Неизбирательная любовь», «Щедрость», «Искренность», «Нравственность»), которая заставляла автора многократно использовать интроспекцию, обращаться к литературоведам, проверять и перепроверять многослойные контексты, чтобы выявить типичные свойства концептов. Наконец, третья причина состояла в том, что исследователю, изначально явно стремившемуся к выходу на демонстрацию этнокультурной специфики индивидуально-авторской концептосферы писателя, сам Герман Гессе «спутал все карты» собственным – универсальным – взглядом на мир, репрезентировав объемные мироощущения буддийского Востока, во многом чуждые линейному европейскому менталитету. Тем не менее Н.А. Красавского можно поздравить с несомненной удачей: ему удалось панорамно представить аксиологию «иной ментальности» Германа Гессе, продемонстрировать сложную семиотику этого мира, полную противоречий. Мы увидели гения философски ориентированной словесности, обремененного и изматываемого «когнитивными фантомами» – разочарованием и переживаниями по поводу того, что цивилизация пошла «по кривой дорожке», что человек теряет свою «самость» (*Selbstheit*) и обезличивается (*Entselbstung*). В то же время исследователь мастерски вскрыл и «оптимистическую лингвoseмиотику» творчества Германа Гессе, в избытке предоставляющую знаки позитивной аксиологии – знаки неминуемой победы мудрости, нравственности и любви над бесчеловечностью.

Нельзя также не отметить безупречность и стройность комплексного лингвистического анализа, кропотливо и детально выполненного ученым. С удовлетворением заметим также, что за невозмутимостью и бесстрастностью выводных формулировок явно просматривается искренняя увлеченность проф. Н.А. Красавского своим любимым делом.

Вторая глава данного раздела посвящена анализу образных и ценностных характеристик индивидуально-авторской концептосферы еще одного великого немца – Фридриха Ницше (автор О.С. Макарова). Алгоритм исследования стандартен: будучи выработан главой лингвистической школы Н.А. Красавским, он предполагает лингвоаксиологический подход к изучению индивидуально-авторской концептосферы Ф. Ницше через решение таких задач, как выявление базисных концептов в творчестве философа, характеристика их образной и ценностной составляющих, установление основных типов метафор, вербализующих эти концепты.

Несколько удивила установка, мотивировавшая исследователя на анализ концептосферы произведений Ф. Ницше. О.С. Макарова пишет о редком обращении когнитивистов и лингвокультурологов к изучению концептосфер философов: «Этот факт мы объясняем в первую очередь академизмом их языка, отсутствием в нем ярких образов, экспрессии, что как раз привлекает лингвистов, позволяет им определить образную и ценностную составляющие того или иного концепта как многомерного когнитивного конструкта. Творчество немецкого философа Фридриха Ницше (1844–1900 гг.) с полным правом можно отнести к исключениям. Отсюда наш интерес к описанию его концептосферы, элементы которой выражены на редкость ярко и поэтично» (с. 149). Удивила в том отношении, что, по мнению О.С. Макаровой, философский дискурс якобы неэкспрессивен и характеризуется отсутствием ярких образов. Это заставляет предположить, что над исследователем довлеет власть стереотипа: хорошо известны яркость образов «Опытов» Мишеля Монтеня, остроумие Вольтера, язвительность и яркость критики Эммануила Канта, фантастическая картинность размышлений Френсиса Бекона, язвительная ирония образов Рене Декарта... В конце концов, как же яркие образы «Поэтики» Аристотеля! Так что Ф. Ницше – отнюдь не исключение в экспрессивном философском ареопаге. Более того, помня о том,

что философия – это все-таки наука, согласимся, что как всякая наука, по остроумному утверждению академика Петра Капицы, она «обязана быть веселой» (ну, или, по крайней мере яркой и образной).

Впрочем, сейчас речь о другом: о том, что на самом деле конституирует концептосферу великого немецкого мыслителя, – ментальные конструкты высшего уровня абстракции, получающие многоаспектную объективацию в текстах Фридриха Ницше как продуктах его напряженной мыслительной деятельности в направлении истинностной трактовки аксиологического потенциала таких сложных бытийных категорий, как «добродетель», «человек», «воля», «дух» и «душа», «мораль». Важно уточнить, что доминантные смыслы перечисленных концептов и, в первую очередь, центрального для ментального пространства Ф. Ницше концепта – концепта «Человек» (*Mensch*), экстрактированы автором главы с помощью анализа пяти классов разнотипных метафор, конституирующих образную сеть ницшеанских идей и, в частности, «объективирующих концепт “Mensch” – натурморфная, предметная, медицинская, профессиональная и библейская метафоры» (с. 152). Помимо этого, изучены две обособленные группы метафор, одна из которых представляет собой «пересечение разнообразных образов в рамках одной метафорической конструкции, а вторая включает в себе варианты, отличающиеся необычным воплощением концепта “Mensch”, выраженного посредством личных местоимений (в большинстве случаев личным местоимением “Я”))» (с. 152). Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания: мы имеем дело с семиотической интроспекцией философа, «взглядом внутрь себя», метафорическим переосмыслением собственного бытия, вербализуемого при помощи тропов не для пущей наглядности и стремления потрафить своему читателю, а именно для четкости репрезентации мыслительного процесса освоения происходящего вокруг и внутри себя.

Анализ текстового материала позволил О.С. Макаровой выявить лингвoseмиотические элементы психологической структуры коммуникативного поведения человека, каким его представлял себе великий философ. Метафоры антропopsихологического свойства необычайно выпуклы и ярки, будь это фиксация свойств характера и состояний негативного типа (гнев, лицемерие) или позитивного качества (сдержанность, самобытность, постоянное совершенствование интеллекта).

Жесткость оценок современного состояния человеческого сообщества манифестирована Ф. Ницше при помощи зооморфных метафор, ставящих человека на один (низкий) уровень с животными. Как показало исследование О.С. Макаровой, тональность «мыслеизречения» на фоне обильного количества тропов носит поэтический, почти мечтательный характер. Он грезит об идеальном человеке – сверхчеловеке (*Der Übermensch*), на создание которого тратит свои ресурсы сама природа; именно поэтому в рассуждениях об идеальном и совершенном сверх-творении изобилуют натурморфные метафоры и образы (земля, вода, буйное цветение и рост растений и т.д.). Программа совершенствования человека до уровня верховного и могущественного существа дидактична и семиотична, поскольку рефлектируется в смыслах соответствующих зон индивидуально-авторской концептосферы философа. Так, неудержимое стремление человека к познанию отражено в ассоциативных связях с концептом «Mensch» таких периферийных концептов, как «Gedanke», «Wort», «Buch», «Weisheit» и «Philosoph». Мысль для Ф. Ницше – непреходящая ценность человечества, которая ведет его по пути самосовершенствования, совершенствования мира, по пути познания. Сила воздействия мысли для философа планетарна и мистична: не случайны сравнения ее с лучом света, с солнцем, со звездами. Малоприятными для лингвиста могут показаться оценки философом концепта «Слово»: он наделяет слово эпитетами, наполненными отрицательными смыслами: «...Ф. Ницше называет слово “пустым” – “Er schloß ein leeres Wort zum Zeitvertreib”, темным – “ein dunkles Wort”, злым и холодным – “ein böses kaltes Wort”. Слово в понимании философа может обладать запахом как приятным, так и неприятным: “Jedes Wort hat seinen Geruch: es gibt eine Harmonie und Disharmonie der Gerüche und also der Worte”» (с. 165). Впрочем, он не одинок в своей неприязни к слову – вспомним известное «Мысль изреченная есть ложь».

Подводя итоги обзору этой интереснейшей главы, констатируем: читателю представлена убедительная модель описания лингвокогнитивной деятельности философа, которому были дороги идеи совершенствования человека. Их он упаковал в тайные смыслы своих речений, дав простор широ-

кой (подчас опасно вольной) их интерпретации. В этой широте трактовок нацисты ошибочно увидели скрытый высокомерный тевтонский смысл и опошлили труд жизни Ф. Ницше собственной кононавистической политикой. На самом же деле это идеи, вербализованные философом, во многом детерминировали самобытность немецкоязычных народов и продолжают влиять на цивилизационные процессы всей нашей жизни.

Итак, резюмируем. Перед нами монография, явно открывающая целую серию лингвистических исследований, нацеленных на выявление этноспецифических лингвокультурных смыслов, объективированных в менталитете народов, наций, народностей и иных коллективов цивилизации. Самой своей структурой книга программирует ожидаемое ее продолжение. Подход авторов монографии оказался весьма плодотворным и эффективным – от выявления образных и ценностных элементов концептосфер до лингвосемиотического описания / анализа актуализации соответствующих смыслов в отдельной лингвокультуре с детерминацией этноспецифики такой актуализации. Первый опыт оказался удачным, с чем и поздравим авторов проекта. Что же дальше? А дальше будем с нетерпением ждать продолжения!

Литература

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. Прага : YMCA-PRESS, 1923.
2. Википедия : сетевая энциклопедия. URL : www.wikipedia.ru.